

Приключения фуяшки

Бывший русский анклав Харбин давно стал рядовым китайским областным центром: всего каких-то 9 млн жителей. Связанное с Россией прошлое здесь превратилось в доходный туристический аттракцион.

Заповедник «Русская деревня», парк Сталина, сотни русских ресторанов, караоке-клубов, тысячи русских проституток. Туристы со всего Китая приезжают в Харбин, чтобы за большие по местным меркам деньги посмотреть на бывшего «старшего брата», роль которого исполняют гастарбайтеры из российской провинции.

Резервация

Передо мной две куклы: огромная грудастая баба в кокошнике и страшный бородатый мужик. Она держит розовое сердце с надписью «Я люблю тебя». Он — бутылку и открывалку. Это — образ России. Я стою на входе в главный туристический аттракцион Харбина — «Русскую деревню», расположенную на Солнечном острове. Когда-то этот остров на реке Сунгари был застроен русскими дачами. Теперь «Русская деревня» демонстрирует китайцам «настоящую жизнь в России». «Село российского стиля создает отечественным и зарубежным посетителям туристическое пространство с первичными культурными признаками для фиктивного возвращения в прошедшее время», — гласит плакат на входе в деревню (здесь и далее грамматика оригиналов сохранена).

Я начинаю свое «фиктивное возвращение в прошедшее время». Или в будущее?

— Привет! — радуется моему появлению Таня. На Тани чулки в сеточку, ярко-красный короткий сарафан и ослепительный макияж. Ее работа — стоять на входе в деревню и завлекать туристов.

— Неужели китайцам так интересно на русских смотреть?

— Конечно. Тут много туристов с юга Китая, которые вообще белых не видели.

Таня в Харбине уже восемь лет. Ее история обычная для наших соотечественниц, приехавших сюда на работу. Сначала какая-нибудь низкооплачиваемая должность. Затем осознание того, что выйти в люди можно, только если найти богатого китайца — спонсора или мужа. Наконец красивый ребенок смешанных кровей и осточертевший супруг.

В это царство контрафактных русских меня привел соотечественник Денис, агент по трудоустройству. Если все получится, я буду здесь работать. Но, несмотря на деловую цель визита, билет все равно приходится покупать. За 20 юаней (100 рублей) мне дают «паспорт», похожий на российский. В нем сообщается, что «Русская деревня оказывает туристу уникальные удобства и услуги». Паспорта проверяет китаец-охранник в форме советской армии. Его вид щекочет туристам нервы: каких-нибудь 20 лет назад этого мундира китайцы боялись как огня, они были уверены, что СССР мечтает захватить Маньчжурию. «Пограничник» шлепает в паспорт печать, как в Шереметьево-2, и пускает меня в «Россию».

Она состоит из одноэтажных домиков — точнее, из «27 дачи и жилых домов, которые хорошо сохраняют скромную русскую культуру и архитектурный стиль в прошедшем веке». Это магазины и хаты для русских сотрудников поселка. Туристам, впрочем, заходить в них тоже можно в любое время — чтобы посмотреть на русских в естественных условиях их обитания. Условия действительно скромные: стены фанерные, душа нет, откуда-то сверху бесконечно льется песня «Ой, зайныка, хвостик серенький!» группы «Иван Купала».

Самое главное место в деревне называется «Колхоз» — это столовая, наших гастарбайтеров тут кормят. В соседней «Булочной» продают русский хлеб. Идем по указателю к «Дому советского времени». Мелькают вывески: «Пивная площадь» (бар), «Войнаимир» (экспозиция на историческую тему), «Сельпо», «Государственный универсальный магазин», «Русский дом рукодельных изделий» — это все магазины сувениров.

Захожу в «Русский дом в 1950 году» по адресу «Улица Сирений № 100». Если верить устроителям музея, в

1950 году простой советский человек имел дома барную стойку, пил баночное пиво Carlsberg и кофе из кофемашины и ел бананы. На стенах — куча иностранных брендов, тут же старые советские лыжи, новые лапти и какие-то африканские барабаны, на которых лежит табличка «Дом Василия».

На входе в «Русский самобытный магазин» скучает девушка Лена из Благовещенска. У нее красный сарафан и красное грустное лицо. Лена хочет замуж и детей. На меня она смотрит с нескрываемым плотоядным интересом.

— Почему за китайца замуж не выйдешь? — пытаюсь я обезопасить себя от потенциального харассмента.

— Ненавижу китайцев. Они громкие и плюются.

— Тогда возвращайся в Россию и выходи за русского.

— За кого?!? — Лена смотрит на меня как на идиота. — Русские работать не хотят и пьют.

Патовая ситуация.

— Сiju тут как в тюрьме. Работа скучная: туристы заходят — надо только молчать и улыбаться, а потом фотографироваться с ними за деньги, если захотят. Одна фотография — 10 юаней. Хочешь?

Ассортимент «Русского самобытного магазина» предсказуемый: водка, вино, косметика, поддельная черная икра, почему-то российский растворимый кофе и «живопись» — голые бабы с пышными белыми задницами и узнаваемые русские пейзажики (скоро я начну по ним скучать). Картины пишут наши же гастарбайтеры — прямо тут, на Солнечном острове. «Деревня русских художников периодически приглашает русских юно-молодых художников-отличников на Солнечный остров для искусственного творчества», — гласит афиша.

Домики, в которых живут Лена, ее подруга танцовщица Анжела и другие «профессиональные русские», называются так: «Дом двоюродного брата Андрея» (кто такой Андрей и кто чей брат — непонятно), «Дом сестренки Жени», «Дом дяди Анатолия». Внутри убогая обстановка: кровать, шкаф, рукомойник. Между домиками — неработающие колонки. Для антуража. В душ работники ходят по утрам и строго по расписанию. В туалет — в деревянное строение «в традиционном русском стиле». Нужник, как и полагается, засран — русским персоналом и китайскими туристами.

Неужели я тоже буду тут жить?

Грязная работа

В «Русской деревне» начинается концерт. На сцену с вывеской «Здрастуйте добро пожаловать!» под песню про конфетки-бараночки выбегают Анжела с напарницей и начинают кружиться. Потом вытаскивают на сцену китайцев из зала. Следующий номер — выход певца Геннадия с окладистой бородой. В кулуарах он рассказывал мне, как его звали то в Париже выступать, то к Надежде Бабкиной в ансамбль, но потом Бабкина испугалась, что Гена поет лучше нее. И теперь Гена перед китайской публикой орет дурным голосом «Ой, цветет калина». Китайцы послушно аплодируют.

Кульминация развлекательной программы — бои в грязи. На специальную арену выходит симпатичная девушка Лена в купальнике. Она приехала на заработки из Владивостока. Коллеги говорят, что платят ей сказочно — тысяч двадцать рублей. Следом появляется ее партнер — китаец. Начинается сражение. Сначала боец изображает страх: жмется к грязным стенкам, пытается выбраться за ограждение. Ведущий-карлик по-китайски подбадривает его: мол, ты же мужик, не бойся. Лена в этот момент под аплодисменты зрителей демонстрирует бицепсы, принимая соблазнительные позы. Во Владивостоке она, говорят, занималась самбо, у нее даже есть разряд. Бросок — и китайский парень барахтается в грязи. Под бодрую русскую попсу Лена опять поигрывает мускулами. Супостат рвется в контратаку, но Лена снова бросает его через бедро.

Зрители смеются над бедным чумазым китайцем. Он наконец, будто бы из последних сил, поднимается с колен, снова кидается на Лену, делает подсечку и аккуратно кладет ее в лужу.

Зрители счастливы. Не нужно обладать высокоразвитым образным мышлением, чтобы понять, что общего между этим боем и историей российско-китайских отношений.

Меня ведут к директору деревни, китайцу Саше, поговорить о моем трудоустройстве. Попасть к нему на прием — целый ритуал. Саша — это такой гопник из российских 90-х, только китаец. У него бритая голова, майка и золотая цепь. Он надменно меня разглядывает. Китайского я не знаю, а Саша не знает русского, но в его узких

глазах отчетливо читается: «Что этот лузер-лаовань тут делает?»

Я, кажется, забываю о существовании Москвы. Я всерьез воспринимаю решение этого гопника, смотрю на него со страхом — неужели не возьмет?

— Нет, мужчины пока не нужны, — переводит мне Денис Сашин вердикт. Кажется, ему приятно мне отказать.
— Женщин давай!

Денис протягивает директору пачку анкет, присланных со всей России, — бывшие банковские служащие из Тольятти, танцовщица из Питера, учительница из Воронежа.

— У нас сейчас большой кризис, — с подобострастной улыбочкой комментирует Денис. Саша понимающе хмыкает, с деланным безразличием перелистывает анкеты, потом говорит:

— Ладно, позже посмотрю и перезвоню.

Как я сюда попал

Москва, задворки Рязанского проспекта, «бизнес-центр», переделанный из советского института, табличка агентства с патриотичным названием «Перун». Здесь вербуют для работы в Китае.

— Китайцы к русским очень хорошо относятся, это очень интеллигентный народ, — соблазняет меня Наталья Викторовна, свою фамилию она так и не выдала. — И платят хорошо. В Китае кризиса нет. Нам так и говорят: присылайте всех, работу любому найдем.

На самом деле Наталью Викторовну заботит только одно: чтобы соискатель оплатил услуги фирмы (400 евро) и рабочую визу на полгода (еще 400 евро).

— Продавщицам в «Русской деревне» платят 700 долларов, — врет агент. — Танцовщицам — две тысячи. Ты можешь днем работать продавцом и охранником, а вечером — в KTV. Будешь три зарплаты получать.

— KTV? — я изображаю доверчивого биржевого брокера, из-за кризиса оставшегося без работы.

— Это караоке-клубы. Туда приходят, например, китайские женщины. Или мужчины. Им скучно одним за столиком сидеть. Вот они и приглашают к себе русских девушек и парней — чисто пообщаться.

— А это случайно не проституция?

— Что ты! Там же коммунизм! Я тут отправляла одну пятидесятилетнюю тетку в Европу. Она переживала: «Ой, а меня в бордель не продадут?» Размечталась! Посмотри на себя!

Собеседование успешно закончилось. Заполняю несложную анкету, отдаю фотографии и организационные 50 евро, которые ко мне уже в любом случае не вернутся. Дальше все зависит от совести посредников. Бессовестные просто без объяснения причин говорят, что моя кандидатура «не подошла» и оставляют «орговнос» себе. Добросовестные вроде того же «Перуна» отправляют анкету работодателям в Китай. Впрочем, добросовестным быть выгоднее — после одобрения анкеты я должен заплатить еще 350 евро. При этом визы ты оформляешь самостоятельно, билеты покупаешь за свой счет.

— А почему так дорого — 350 евро? За что это?

— Ну, звонки в Китай, переписка по интернету, — с улыбкой отвечает Наталья Викторовна.

Деваться некуда. В назначенный день пишу расписку, что «претензий к “Перуну” не имею» и «все услуги выполнены качественно и в срок».

К счастью, выданные китайские телефоны оказываются настоящими, что тоже бывает не всегда. На шумном харбинском вокзале меня встречает шустрый Денис, который должен меня куда-нибудь устроить и получить свой процент. В Китай он приехал полтора года назад из Владивостока. Потом мне часто будет попадаться этот типаж — русские помощники китайских бизнесменов, очень энергичные и беспредельно циничные.

— На Россию мне насрать, — признается Денис. — А знаешь почему? Потому что России насрать на меня. Что она для меня сделала? Ничего. Поэтому кто будет завтра жить в моем Владивостоке — китайцы или русские, — мне по барабану. Лишь бы жизнь была нормальная. А жить нормально можно и при китайцах. Оставайся — увидишь.

— Денис, а почему на сайте «Перуна» обещают 700 баксов, а на самом деле платят только 200?

— Это Наталья Викторовна написала. Я ей тоже говорю: «Это ж неправда!» Китай — бедная страна, тут и 200 баксов — большие деньги. А она мне: «Если правду написать, никто не поедет».

Я вспоминаю бумагу, подписанную мной в офисе «Перуна», и понимаю, что москвичи будут всю ответственность валить на харбинцев. Остается искать работу. Денис говорит, что поможет. 700 баксов мне никто платить, конечно, не будет, но на обратный билет заработать можно. Он селит меня в гостиницу в спальном районе Харбина. Горячей воды нет, смыл унитаза не работает, по грязным простыням бегают здоровенные китайские тараканы. Это все вполне могло бы стать декорацией для истории о миллионере, приехавшем в Китай с десятью юанями в кармане.

Парк Сталина

Сейчас в это трудно поверить, но основали Харбин в конце XIX века русские — как важную станцию на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). По сути, это была русская колония: территория Харбина и КВЖД была в аренде у российского правительства, здесь не действовали китайские законы. В 20-е годы прошлого века в Харбин хлынули потоки белых эмигрантов, число русских здесь достигало 300 тыс. человек. В 1932 году в Маньчжурию вторглись японцы, Харбин был оккупирован вплоть до осени 1945-го, когда его освободили советские войска. Спасаясь от советской власти, белые рассеялись по всему миру, но Красная армия ушла отсюда очень скоро, передав Харбин своему союзнику — Мао Цзэду.

Следы русского и советского прошлого попадаются в городе на каждом шагу. Сегодня главную харбинскую улицу местные русские называют Арбат. (Официальное название — Чжунъюань Дацзе, Китайская улица.) Арбат, как и полагается, пешеходный. Он застроен старыми русскими зданиями — банками, магазинами, ресторанами и просто доходными домами. Кажется, что находишься в каком-нибудь Томске или Иркутске.

Рестораны и магазины активно эксплуатируют «русскую тему». В первом же баре, куда я захожу, меня встречает плакат «Позаботилась ли ты о грудях?» и припиленный на стену штурвал корабля с названием «Блистательный творчество». В меню — russian traditional pot с креветками, russian borsch за 15 юаней и подозрительный алкогольный коктейль «Красная площадь» с красным двуглавым орлом на этикетке.

Арбатские магазины завалены русским «импортом», который делается за углом — матрешки, ушанки, военная форма и портупеи, бесконечные бюсты Ленина и Сталина, фляжки с эмблемой КГБ, рюмки, поддельная икра, водка, жестяные банки с Кремлем и соборами — внутри китайский чай.

При входе в магазин Russian gods — гора «русского» шоколада по 5 юаней, произведенного будто бы в Серпухове. «Славянские традиции. лромат песного орехл» — обещает этикетка. Другая плитка — под названием «Лелеать» — якобы из Самары. Что характерно, английская аннотация на ней написана без единой ошибки. Покупаю, пробую — гадость редкостная.

Арбат спускается к реке Сунгари. Вдоль берега, прямо напротив Солнечного острова с его «Русской деревней» — главный харбинский парк отдыха, огромный Сыдалинь гуньюань, что переводится не иначе как «парк Сталина». Фигурки гипсовых пионеров с европеоидными чертами лица, завалы уже знакомых «русских сувениров» и — без преувеличения — миллионы китайцев. Они делают зарядку цигун, танцуют, поют, гуляют, живут. Я плыву через этот людской поток к берегу, чтобы снова переправиться на Солнечный остров, но на этот раз иду не в «Русскую деревню», а в «Русский золотой театр». Это огромное здание, точная копия Большого театра в Москве. Только вместо привычной квадриги — красное полотнище. Неужели советский флаг? Нет, я уже вижу на знамени огромную желтую звезду. Это китайский флаг, и на искусственный Большой театр с ностальгией я могу больше не смотреть. Мне уже кажется, что никакого Большого вообще не существует, как не существует никакой Москвы.

— Будешь разговаривать с Яной — смотри ей прямо в глаза похотливым взглядом. Тогда возьмут, — инструктирует меня добрая девушка Света. Она танцует в «Русском золотом театре» танец живота, а Яна, то есть мисс Янг, — его директриса.

— Вообще-то вакансий у нее нет, — пугает Света. — Но Яна не замужем, а ты парень симпатичный, так что шанс есть.

Здесь же, в театре, — выставка-продажа русских художников, тех самых, которые приехали заниматься «искусственным творчеством». Света когда-то тоже приехала сюда малевать на продажу пейзажики и женские попы. Но денег не хватает — пошла в танцовщицы, благо фигура позволяет.

Репутация у мисс Янг так себе. Ее считают стервой: то наорет не по делу, то оштрафует. После таких рекомендаций я, конечно, волнуясь, когда предстаю перед ее взором. Но напрасно.

— Красивый. Вы — красивый, — на ломаном русском реагирует на мой приход директриса. — Мы вам дадим форму, будете еще красивей. В первое время поработаешь официантом, а там еще чему-нибудь научим, — продолжает уже через переводчицу мисс Янг. Она женщина деловая, быстро выясняет, что у меня с визой, обещает помочь с документами («У нее родственник работает в полиции, проблем не будет», — говорят мне потом), показывает комнату и отправляет за вещами. Кажется, она боится, что я передумаю: даже зарплату обещает повышенную — 1500 юаней, это 7500 рублей, и настаивает, чтобы я поскорее принес паспорт для улаживания формальностей.

— Обычно предлагают 1200, — комментирует мой отчет Света. — Конечно, столько на руки не дадут — найдут к чему придраться. Но все равно никому не говори — завидовать будут.

Отношения в коллективе и правда оставляют желать лучшего. Даже на чужбине русские не сплочены и занимаются в основном интригами. Появление новичка не вызывает никакого интереса. На мои улыбки и «добрый день» большинство реагируют угрюмыми немymi кивками.

Впрочем, мне везет. Меня сразу берут под свою опеку два взрослых мужика — Виталий и Сергей.

— Китайцы народ простой, дружелюбный, — говорит Виталий. У него окладистая борода и усы, как у адмирала Макарова, когда-то воевавшего в этих краях с японцами. — Есть, конечно, свои нюансы: постоянно пытаются обсчитать.

Меня провожают в «общежитие» и селят в небольшую комнатку на четверых. Мои соседи — русский официант Иван и два китайца-охранника. Нормальные парни, крепкие, почему-то в футболках с надписью «US Army». Их главная обязанность — следить, чтобы никто не фотографировал русских стриптизерш во время танца. Они со мной приветливы, а вот Иван жизнью недоволен: поссорился с начальницей, которая не хотела отпускать его «в самоволку» в город, теперь вот собирает вещи — возвращается в родной Биробиджан.

— Я бы еще остался, — признается Иван. — В Израиле-то нашем работы нет, что буду там делать — не знаю.

Мне приносят униформу: белый верх, черный низ и еще какой-то цветастый жилет «а ля рюс». Теперь я простой фуяшка — так, от иероглифа «фу ен», наши челноки называют местных официантов.

Пытаюсь сходить в душ, но обламываюсь — на двери листочек: «Работа душа: «19–30 — женский время, нет горячий вода. 20–00 женский время, есть горячий вода». В 20.30 наступает «мужской время, есть горячий вода. Можно постирать». А в 21.00 — «мужской время», но «горячий вода» снова нет. Надо запомнить, а пока умываюсь из шланга в темной каптерке, заваленной грязным бельем.

Труппу кормят два раза в день. Харчи скудные, зато бикультурные — есть и русские блюда, и китайские.

— Салат нарубили, как в армии, — ворчит биробиджанец Иван. Еще полгода назад он служил где-то на границе, готовился отражать китайскую агрессию. Потом демобилизовался, но в России работу найти не смог — приехал сюда работать на потенциального противника.

В дверях появляется мисс Янг. Ей уже плевать на мои мужские чары. Теперь она — строгая и властная хозяйка.

Стриптиз в погонах

В зале, украшенном русскими пейзажами, видами старого Харбина, лепниной и фальшивой позолотой, собираются гости. Это — мероприятие для состоятельных китайцев: обед с концертом стоит 300 юаней (1500 рублей). Посетители приезжают на дорогих машинах или тургруппами на автобусах: наш «Русский золотой театр» — крутой туристический объект.

Программа рассчитана на два часа. Китайцы с интересом вкушают русские блюда, приготовленные поварами-китайками: оливье, борщ, картошку с котлетами. Но главное в обеде — водка и «Балтика».

«“Балтика” — там, где нет больше России», — крутится в голове переиначенный рекламный ролик.

На экране показывают дублированного черно-белого «Чапаева». Вот сидящие в окопе чапаевцы поджидают каппелевцев, идущих в «психическую» атаку. Один что-то говорит другому по-китайски. Вспоминаю по

движению губ:

— Красиво идут!

— Хм! Интеллигенция!

В этот момент в зале эффектно появляется дед Виталий. Китайцы смотрят на него с восхищением: он будто сошел с экрана. Шикарный черный мундир с эполетами, аксельбантами и портупеей. На рукаве нашивка «Корниловцы» (у настоящих корниловцев такой, естественно, не было, но это неважно), а сбоку огромная сабля. «Мой главный инструмент, главней гитары», — отрекомендовал ее Виталий, поющий исключительно под фонограмму.

Немного закусив «настоящей русской кухней», китайцы начинают приобщаться к высокой русской культуре. Белогвардейские песни Виталия сменяются «Подмосковными вечерами» в исполнении полногрудой Нины — бывшей оперной певицы. Затем выбегают девушки помоложе в кокошниках — водить хороводы. Свет гаснет, начинается стриптиз, и китайцы, привыкшие к своим плоскогрудым соотечественницам, могут наконец познакомиться со второй экспортной статьей нашей страны — пышной русской грудью. Танцовщицы тянут гостей с их мест, те сопротивляются — стесняются. Под конец стриптизерши усаживают в центре зала какого-то уважаемого китайца и хлопают его грудями по щекам.

Гости быстро напиваются, но ведут себя прилично. Меня подзывают к столику и что-то говорят по-китайски. Я ничего не понимаю, но клиент не обижается — к моей дремучести тут относятся снисходительно. Для них главное — что им прислуживает русский, белый человек. Им весело. Это действительно неплохие люди — наверное, инженеры и бизнесмены. Они веселятся и кричат, но не проявляют ни капли агрессии. Они никогда не унижают нас, русский персонал, хотя мы находимся в уязвимом положении. Они над нами даже не смеются, им просто весело, и мы им нравимся. Но мы все равно остаемся аттракционом, зверюшками, фуяшками.

«Отношение к русским у китайцев вообще довольно своеобразное, — объяснит мне потом случайно встретившаяся аспирантка из Москвы Ольга Курто; здесь она изучает китайский язык, историю и менталитет. — С одной стороны, эти люди вроде бы помнят, что еще недавно мы были “да гэ” — “старшим братом”. Специалисты говорят про них, что китайцы всегда считали себя некрасивыми и испытывали определенные комплексы перед белыми. Теперь в их сознании происходит коренной перелом. Загадочная и закомплексованная китайская душа обретает достоинство и вес».

Ольга считает, что скоро это почувствует вся планета. И мы, ближайшие соседи, в первую очередь.

Миллиард неплохих и успешных китайцев стоит вокруг меня непробиваемой стеной. Я уже не могу поверить, что живу в Москве, что у меня там есть работа и успех. Меня охватывает леденящий ужас ассимиляции. Я хочу бежать. Пускай на грязную, пьяную и злую, но на Родину. Потому что у Родины есть только одно качество: СВОЯ.

Наступает кульминация вечера — танцовщицы устраивают с гостями объединяющий всех «ручеек», а затем в зал выбегают девушки в балахонах. У каждой на голове какая-то огромная желтая фигня. Из песни становится понятно, что это.

«Купола, купола, купола, // А над ними дожди косые. // Заливаются колокола — // Это голос моей России», — льется из колонок фонограмма.

Гости расходятся, а мы остаемся убирать грязные тарелки с остатками оливье. Для этого китайского языка не нужно.

Мертвая София

В Харбине колокола больше не заливаются и «голос России» не звучит. Но храмы еще стоят. В самом центре города — главный символ Харбина, Софийский собор. Именно он изображен на каждом втором «русском» сувенире. Высокое здание византийской архитектуры странно смотрится рядом с небоскребами и иероглифическими вывесками. Площадь заполнена туристами. Они с удовольствием фотографируются на фоне мертвой Софии. Внутри — не храм, а музей. Вход по билетам. На входе опять эти лавки с бесконечными матрешками, ушанками, майками. И нет никого, кто выгнал бы торгующих из храма.

Немногочисленные постоянно живущие в Харбине православные русские ходят не в Софию, а в действующий

Покровский храм, он тоже в центре. Русских диаспор в городе две, и они друг друга не любят. Первая — это те, кто приехал сюда на заработки. Вторая — потомки белых эмигрантов, сотрудников КВЖД, советских солдат и специалистов.

В воскресенье в 8.20 утра у двери Покровского храма уже сидит согбенная старушка с неуловимо китайскими чертами лица. Она радуется мне, незнакомцу, и еле-еле шепчет: «Сейчас откроют».

Еще через пять минут приходит церковная староста и глава русской общины Любовь Николаевна Ли. Она открывает дверь, прихожане заходят внутрь, здороваются друг с другом по-китайски: «Нихао».

Темное помещение с облупившейся штукатуркой, пахнет сыростью. На стене у входа висит украшенная цветочком фотография легендарного батюшки Григория Джу — православного китайца. Он умер еще в 2000 году, а нового не прислали, с тех пор в Харбине священника нет — здесь больше не крестят и не отпевают, каждый молится как умеет. У свечной лавки висит кружка для пожертвований, на ней два замочка: один ключ у Любви Николаевны, другой — у противоборствующей группировки во главе с бывшим старостой китайцем Виктором.

С улицы доносятся громкие звуки, прямо как в финале чеховского «Вишневого сада»: как раз у Покровской церкви китайцы прорубают линию метро.

Постепенно храм наполняется. Крепкий парень-китаец в красных адидасовских штанах; еще один юноша — худощавый, интеллигентный, в очках и с русским молитвословом; бабушки, девушки с непокрытыми головами, средних лет человек славянской внешности с волосами, собранными в пучок, — «белый китаец», плод смешанного брака, совершенно не знающий русского языка. В общем, публика пестрая. Нет только моих знакомых из «Русской деревни» и «Золотого театра».

Я проговариваюсь, что журналист, и Любовь Николаевна с большим энтузиазмом везет меня на окраину города — посмотреть русское кладбище Хуаншань. Заботливые китайцы свезли сюда останки русских с разных кладбищ Харбина.

— Вот мой брат лежит, — говорит Любовь Николаевна. — А вот Маргарита Юрьевна, племянница Бухарина.

Рядом белые офицеры, потомки строителей КВЖД. Тут же — памятник морякам с эсминца «Решительный».

— «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”», — неожиданно запекает Любовь Николаевна. Становится грустно, как будто мы и правда тонем в пучине мировой истории, гордые, но все равно побежденные.

В десяти метрах — воинское кладбище советских солдат, прогнавших из Харбина японцев. Китайцы уважают память своих освободителей, содержат кладбище в образцовой чистоте.

Когда здесь был русский анклав, многие китайцы перешли в православие. Теперь их потомки ходят в Покровский храм. Но России, которой они поверили, нет дела ни до своих, ни до чужих. Церковь и русская община живут на деньги китайского государства, а Любовь Ли получает зарплату от департамента по делам религии.

Болозы джейба

«Акция! Студентам-иностранцам водка АК-47, пиво и кола БЕСПЛАТНО!» — написано по-русски на входе в Blues Bar (Болозы джейба). Это самый популярный у нашей диаспоры ночной клуб Харбина. Собственно, потому он и популярен — русские студентки, танцовщицы и проститутки, выдающие себя за студенток, съезжаются сюда каждый вечер, вместо того чтобы сидеть в общагах и зубрить китайский. Русские девушки слетаются на халявный алкоголь, а на халявных русских девушек слетаются китайские бизнесмены и экспаты.

Компания негров, компания индусов, американцы, французы, парень из Бразилии, парень из Марокко... Нет только русских мужиков, поэтому меня все разглядывают с интересом, как разглядывали бы негра в каком-нибудь нашем сельском клубе.

Русская тема — главная фишка «Болозы джейба». На стене — портрет Путина. Под потолком — российский флаг. В зале русские девушки, на сцене тоже русские девушки — танцовщицы и стриптизерши. Негры и бразилец читают рэп, американцы танцуют брейк-данс — все это создает атмосферу портового кабака. Здесь мы, сотрудники «Золотого театра», проводим свободные от работы вечера, чтоб не сидеть в своем гетто на Солнечном острове. Я пытаюсь ухаживать за своей подругой Светой, подливаю ей в бокал халявную водку, но для нее я всего лишь фуяшка. Я не вписываюсь в жизненный сценарий человека, который уже понял жизнь.

Ее экзистенциальная программа — познакомиться с потенциальным спонсором или даже мужем. Европейцем или китайцем.

Отстав от Светы, знакомлюсь у стойки с длинноногой обесцвеченной блондинкой Аней — танцовщицей, приехавшей год назад из Кемерово. Она уже полгода замужем за китайцем и не скрывает от меня намерений наставить ему рога.

— Достали они меня, сил нет! Вот я тут с тобой сижу, а он внизу в машине — караулит, чтобы не изменила.

— А что, можешь изменить?

— Конечно. Я соскучилась по русским мужчинам.

— Зачем тогда замуж вышла?

— Дура была, денег хотелось. Теперь деньги есть, а счастья нет.

В «Болозы джейба» хорошо видно, что есть два Харбина. Один — современный мегаполис с суперпупермаркетами, бутиками, клубами и казино, с «новыми китайцами», дорвавшимися до капитализма. Другой — граничащий с нищетой, проституцией и криминалом грустный мир приехавших на заработки русских. Но как попасть из Харбина дешевых общежитий, общего душа и зарплаты в семь с половиной тысяч рублей в Харбин XXI века? Надежней, конечно, выучить язык, стать ценным посредником, как Денис и Саша. Но это долго. Проще — повысить ставки в азартной игре с жизнью.

Я встаю на скользкий и липкий путь. Я пытаюсь устроиться в KTV — так называются в Китае клубы караоке, в которые люди идут заниматься чем угодно, только не пением. В лучшем случае за деньги общаются с гостями, пьют с ними, поют им русские песни. В худшем — спят с гостями. Это, конечно, журналистский эксперимент, и если дойдет до дела, я свалю. Но в то же время я пытаюсь честно ответить себе, как бы поступил, если бы пришлось выживать в этих условиях по-настоящему. И тут же вопрос этот от себя гоню.

— Вы как, за деньги спите? Если да, то сразу скажите: мне надо директора предупредить, — с ходу спрашивает София. На этот раз София — это не храм, а Денис в юбке: красивая русская девушка, пару лет назад приехавшая изучать язык из далекого Иванова. Деньги быстро кончились, и теперь она тренирует язык совсем в другом смысле. Одета соответственно — короткие шортики, из-под которых выглядывают чулки в крупную сеточку. В руке сигарета, взгляд уверенный, манера наглая.

— Пока не сплю, — знаете, кто это отвечает? Я. Сижу и думаю, откуда вырвалось это «пока» и надолго ли его хватит.

— Только с красивыми и только с женщинами! — то ли отшучивается, то ли действительно ставит условие Андрей. — Кстати, а сколько платят?

Андрей все время спрашивает про деньги. Он — симпатичный студент из Ростова-на-Дону, закончил школу моделей. В Китай попал случайно: искал, где летом поработать за границей, чтобы мир повидать. Теперь у него задача-максимум — заработать денег на обратный билет и свалить отсюда живым.

— Правила работы простые, — инструктирует София нас с Андреем и студенткой Катей, которая за полтора года в Харбине выучила всего пять китайских слов. — Сначала выпиваете с теми, для кого вас пригласили. Потом со всеми остальными. С девушками выпивать не обязательно, только если сами попросят. Пить надо наравне со всеми. Кушать — если угощают. Если попросят, нужно спеть. Клиенты рассчитываются с хозяином, хозяин — с вами.

Катя спрашивает, что делать, если клиенты захотят секса. Взгляд у нее потерянный — то ли наркоманка, то ли что-то случилось, то ли она просто в шоке от того, куда попала.

— По желанию. Никто вас заставлять не будет. Ну и, конечно, все делается за пределами KTV.

Нас, как новичков, добрая София сопровождает до точки. Место работы — клуб с подозрительным названием Sunny boy.

— Ты тоже тут работаешь? — спрашиваю я. Кажется, я волнуюсь больше Андрюхи.

— Это клуб мужской, а я сижу в женском, — удивляется моей несообразительности София. — И этот —

дешевый: пиво стоит шесть юаней. В моем — двадцать.

Законы промысла что в женском клубе, что в мужском одинаковы. Наши люди сидят в специальной комнате и ждут, пока их кто-нибудь снимет. Если повезет, снимет лицо противоположного пола. Но бывает и наоборот. Китай в этом смысле недавно стал совсем современной страной.

София договаривается с хозяином, и нас тут же берут на работу. Хозяин и охранники о чем-то пересмеиваются, провожая нас в обшарпанное помещение. Продавленные диваны, стол без столешницы, плевки на полу — ни дать ни взять притон наркоманов. Я прошу попить, и за один юань мне приносят бутылку воды. Никакого соцпакета не предусмотрено.

К 23.00 комната начинает заполняться подозрительно ухоженными и даже покрашенными мальчиками — русскими и китайскими. То и дело заходят клиенты и клиентки. На Андрея сразу положили глаз два стареющих педофила.

— Сколько тебе лет? — уточняет один и, услышав, что двадцать, ретируется.

— Наверное, я для них несовершеннолетний, — облегченно вздыхает Андрей.

KTV постепенно наполняется гостями, и количество юных метросексуалов в нашем «гареме» начинает таять. Наконец нас выбирают две мажорки — студентка Йау Юэ и дама — начинающий юрист Циэн. Все не так уж и страшно. Мы мило болтаем, рассказываем им о России, а потом они неожиданно говорят: «А можете спеть Katusha?» Что делать — поем. Кажется, у нас неплохо получается, и девушки просят спеть еще Moscow evenings.

Заработав свои 200 юаней, мы с Андреем подобру-поздорову убираемся в «Болозы джейба» и первым делом встречаем Софию и Катю. София, как всегда, уверена в себе, Катя какая-то задумчивая и не в тему спрашивает у Андрея, когда он потерял девственность.

Конец

Кажется, это какой-то страшный сон — я, со своими животиком и близорукостью, стою в одних плавках и резиновой шапочке в ванне с грязью под любопытными взглядами улыбающихся китайцев. Их много — полные трибуны. Мне холодно и унизительно, а напротив — соотечественница в купальнике. В том, что она наша, сомнений нет: русскую грудь и попу с китайскими не спутать. Подхожу ближе — без очков издали не видать — и оказывается, что это не Лена, а уже знакомая мне танцовщица Анжела со ссадинами на локтях от свежих боев.

— Анжела, ты как сюда попала? — спрашиваю за секунду до того, как мы сойдемся в смертельной схватке и будем окунать друг друга в грязь.

— Лена заболела. Я ее подменяю. А что — сотка в день не лишняя!

Самое время проснуться, но это не сон. В KTV мне много не заработать. Остаются только бои в грязи все в той же «Русской деревне» — владельцам китаец надоел, и теперь они хотят, чтобы в грязи барахтались русский парень и русская девушка — «чудо-богатырь». Я соглашаюсь — мне обещают хорошие деньги.

— Ты меня несильно-то по грязи вози, — просит Анжела. Я благородно поддаюсь, падаю в грязь, но Анжела и не думает проявлять великодушие: топчется на мне своими натренированными в танцах ногами. Китайцы хлопают, улюлюкают и хотят сфотографироваться с победительницей.

Нет. С меня хватит. Пора проснуться. Пора покинуть мир, где я всего лишь фуяшка, работник подозрительных караоке-клубов и боец в грязи — в общем, профессиональный клоун-русский, коллега трансвеститов, «искусственных художников», ведущего-карлика и крокодилов. Хочу быть просто русским. К счастью, мне есть куда бежать. Пока.

Я срываю с головы шапочку и бегу в душ.

Автор: Дмитрий Виноградов © Русский репортер ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 3586 17.10.2009, 11:01

URL: <https://babr24.com/?ADE=81588> Bytes: 34986 / 34914 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также тут вы сможете ознакомиться с информацией в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Дмитрий
Виноградов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)